

В пьесе «Снежок» — недавний премьер театра — роль умиротворенной мисс Феллер исполняет заслуженная артистка РСФСР А. Елисеева. Игранные образы созданы артисткой и в спектаклях «На улице Уитмена» и «Сомбреро». На снимке: А. ЕЛИСЕЕВА в роли мисс Феллер.

Фото В. Витерова

ТЕАТР

ВОСПИТАНИЕ ПРАВДОЙ

НА СПЕКТАКАЛЯХ этого театра испытываешь редкую радость открытий. Такую радость способны излучать только истинное, большое искусство. Когда-то Станиславский говорил: для детей надо играть так же, как для взрослых, только еще лучше. Перефразируя эту мысль, можно сказать, что когда по-настоящему хорошо и серьезно играют для детей, наслаждаются искусством и взрослые. Именно это происходит на спектаклях Центрального детского театра.

Ленинградские гастролы, которыми отметила коллектив свое сорокалетие, собирают не только детскую аудиторию. То, о чем говорит этот театр со своими зрителями, так мало иначе кажется каждому человеку. То, как говорит, какими средствами достигает цели, свидетельствует о неустанных поисках, о творческой свежести, о чутком к современности слухе и зрении коллектива.

Центральный детский театр не только хорошо знает и любит свою аудиторию, но и уважает ее. Он не развешивает с ней сызнова и не жаловывается, не поучает и не поддается, не облагает содержанием, но и не морализирует. И этим не только завоевывает доверие зрительного зала, но и безошибочно достигает влияния на него.

Чем больше принимает театр свою ответственность за воспитание чувств будущего человека, за формирование его сознания, тем более смело приближается к самым острым жизненным вопросам.

Репертуар театра так же обширен в разнообразии, как интересы его

заступающих в жизнь зрителей. Одна из величайших философских трагедий «Ворис Годунов» и мудрая увлекательная сказка «Конек-Горбунчик». История современного негритянского мальчика Дика в «Снежке» и древний индийский эпос «Рамаяна». Прихотливая китайская сказка «Волшебный цветок» и психологические пьесы Розова, посвященные современной действительности.

В Ленинград театр привнес свой спектакль «В поисках радости». Для зрителя, знакомого с ленинградскими постановками пьес, спектакль не стал просто повторением. Есть в московском спектакле свое, особенное и интересное. Смотришь спектакль, и кажется, что это сами исполнители написали пьесу о своей жизни и о самих себе рассказывают сейчас со сцены. Право же, не всегда удается в театре достичь такой меры естественности, непринужденности, когда спектакль становится как бы продолжением самой жизни, а все его артисты — активными участниками событий, случившихся только что на глазах, в первый и единственный раз.

Конечно, и в этом театре, как и во всяком другом, есть актеры большего и меньшего дарования, есть индивидуальности яркие и скромные, есть роли, которые выделяются уровнем исполнения. Но при этом остальные выступают не фоном и не дополнением к главному, а образуют единый ансамбль, в котором все говорит за одним языком.

В спектаклях «В поисках радости» и «Друг мой, Коляка» (пьеса А. Хмелика), поставленных режиссером Ана-

толем Ефросимом, в актерском исполнении нет банальности, общих мест или несоответствия всей логике произведения. Нельзя не радоваться, когда актриса старшего поколения театра В. Сперантова играет Клавдию Васильевну в спектакле «В поисках радости» с такой силой внутренней проникновенности, что при простоте внешнего рисунка, ни разу ни на полтона не повышая голоса, привлекает к себе внимание и любознательность. Искра, когда молодой М. Дулов так играет Геннадия, что в этом нескладном и некротическом, таком чудном по виду деревенском наряде вы угадываете личность с еще нестарым, но независимым умом, повзрослевшую натуру. Но вы видите и то, как каждый исполнитель несет главную тему произведения, его идею и художественное своеобразие.

Театр уверенно раскрывает в своих спектаклях душевную красоту человека, так часто скрытую за неброской и даже порой невзрачной внешностью. Театр восхищается — и умеет заразить своим восхищением — нравственной стойкостью нашего молодого современника, его непримиримостью к корыстному и злому, его пылкостью, нравственной чистотой. Что из этого, что Ольга Савина (актер К. Устюгов) мы узнаем на самом пороге юности, а с Ольгой знакомимся в 6-6 классе, где она не очень благополучно проходит первые жизненные университеты? Важно то, что в Ольге, яростно сокрушающем Ленинушка мебель священным для него отягощенным кинжалом, открываются зачатки бора, человека, способного на компромиссы, стро-

ителю жизни, в не ее прихлебатель. Дорого то, что Коляка, так хорошо сыгранный Г. Сайфуллиным, юный шестиклассник Коляка, никогда не уступает того, что кажется ему правдой.

С гражданской страстью театр пропагандирует главные принципы нашей жизни. Он верит в мужество, он утверждает, что человек, большой или маленький, всегда обязан защищать то, что ему дорого. Но театр достигает своей воспитательной цели и тем, что он выводит на сцену и обличает ханжества, формализм, циничную формулу трусов — «моя кота с кровью, меданство по всех его произвелки». Страшен Роман — И. Воронов в «Неравном бою» о его низведении человеческого до утробного. Страшен Лапшин — Е. Перов — с виду добродушный, массивный, уверенно шагающий по земле, подырающий всех людей в корысти, делая и трус, расплата которому — презрение и ненависть единственного сына. И может быть, более всех страшен, потому что труднее распознаваем, померзшая Иванова, крупно, сме и остро сыгранная А. Дмитриевой.

Театр воспитывает своих зрителей правдой. Он не увводит их от жизненных конфликтов. Напротив, он обнажает эти конфликты. Недаром такой силой достигает тонко и талантливо поставленная сцена исключения Коляки из пионеров. Огромный голый стол давит своей бюрократической тяжестью. Застылые ребята из совета дружины. Убитый, растерянный, но не сдвинувшийся с места на первом плане Коляка. Прямо против него, в центре стола, неподвижно сидит

померзшая Иванова, и ее пальцы автоматически выстукивают барабанную дробь. И в ритм этой дробно мерно шагает маленький маршербаст Новиков, чтобы отнять пионерский галстук у своего товарища. Непьюнко долго дается эти шаги, и вот уже настоящий барабан за сценой подхватывает дробь пальцев, превращая исключение Коляки в тяжелую вражескую казнь.

Но если театр подчеркивал драматизм этой сцены, то тем самым он усиливает значение и торжество Финала, когда на школьном дворе настоящий человек, вожатый, шофер Руденко жеру Коляку отнятым галстуком и вместе с ним оскорбленное достоинство человека. Победный гул, которым сопровождается зал этот акт справедливости. — победа театра, победа его принципов, победа его большого искусства.

Центральный детский театр воспитывает своих зрителей правдой. А это — лучший из воспитателей. Р. БЕНЬЯШ